

Глава 1

— Шэнь Моцин! Ты вступил в сговор с демонами и истребил более пятисот адептов секты Хаожань! Ни небо, ни земля не простят тебя! Даже десяти тысяч смертей не хватит, чтобы искупить твою вину!

— Учитель уже объявил всему миру, что изгоняет тебя из секты! В Девяти тысячах провинций для тебя больше нет места, так почему ты ещё не принял свою кару?!

На вершине утёса высотой в десять тысяч чжанов свирепствовал ледяной ветер, ломая сосны и кипарисы.

Шэнь Моцин, сжимая в руке покрытый инеем клинок, стоял на краю бездны. Его чёрные, словно тучи, волосы развевались на ветру, а алые одежды трепетали, но лицо оставалось бесстрастным.

Кто-то, паря в облаках, выкрикнул с праведным гневом:

— Бедный младший брат-ученик, он, несмотря на свою болезнь, молил за тебя, а ты одним ударом меча уничтожил его духовные каналы! Учителю пришлось потратить кровь сердца и бесчисленные небесные сокровища, чтобы едва спасти его, и он до сих пор не очнулся!

— О? — старший брат-ученик вскинул бровь. — Так он ещё не умер?

— Ты даже не раскаиваешься!

— Даже если учитель и благоволил младшему брату-ученику после его вступления в секту, а его талант не уступал твоему, ты не должен был из зависти наносить ему столь жестокий удар!

— А пятсот с лишним праведников из секты Хаожань! Чем они прогневали тебя, чтобы заслужить такую ужасную участь — полное уничтожение?!

— Как мог первый мечник-заклинатель, некогда подобный уединённой орхидее в долине, стать таким безумным и бесчеловечным!

Тысячи пальцев указывали на него, голоса сливались в единый обвиняющий гул. Юноша стоял в одиночестве, но его стан не сгибался, подобно обгащённому кровью бамбуку, пробившемуся сквозь скалу на краю пропасти.

Из толпы вышел человек в белом одеянии и головном уборе мечника. Сложив руки за спиной, он свысока смотрел на обвиняемого, видя его бледное, изысканно-холодное лицо под тёмными волосами и тонкую талию под алым халатом.

Он произнёс с искренностью в голосе:

— Старший брат, здесь только наши, из секты. Чужих нет.

— Ты можешь склонить голову и принять смерть, а можешь выбрать другой путь.

Шэнь Моцин вонзил меч в землю, опираясь на него, и, слегка приподняв веки, взглянул на своего второго брата-ученика:

— Хотел бы я услышать подробности.

Гунсунь Буши мягко проговорил:

— Мы уничтожим твои духовные каналы, отрубим руки и ноги, но сохраним тебе жизнь — ты станешь нашим сосудом.

Первый мечник-заклинатель молодого поколения, прославившийся на все Девять тысяч провинций своим несравненным талантом, станет сосудом, которым они смогут пользоваться днём и ночью, сокрытым от чужих глаз...

— Учитывая нашу братскую дружбу, мы, естественно, защитим тебя.

Запретный плод, доступный всем в секте, разумеется, должен быть спрятан в глубине запретных земель, неведомых посторонним.

Тот улыбнулся.

Его улыбка была подобна таянию льда и снега, озаряющему тысячи рек светом. Она тронула сердца многих присутствующих.

Все услышали его смеющийся голос:

— Хорошо.

Голос, слегка охрипший от многомесячной погони, всё ещё звучал чисто и спокойно, как шелест бамбука после дождя. Таким они его и запомнили, когда впервые вступили в секту и увидели, как этот старший брат-ученик спустился к ним с облаков, чтобы указать путь.

Кадык Гунсунь Буши дёрнулся.

Резкий порыв ветра, и зазвенел меч.

Десятки миллионов потоков энергии меча яростно переплелись, пронзительно свистя в воздухе. Ослепительное сияние клинков, подобное восходящему солнцу, пробило облака, затмевая небо и землю.

— Плохо! Это Массив Десяти тысяч явлений!

Гунсунь Буши резко отступил за спины остальных, улыбка на его лице рассыпалась в прах.

Десять тысяч явлений — всё станет сетью. Тот, кто попадёт в неё, обратится в пыль.

Это была формация, созданная лично первым учеником главы секты Тяньшу. С её помощью он запечатал бога-демона и усмирил Демоническую Бездну, прославившись в одном бою на все Девять тысяч провинций.

И этой же формацией он вырезал секту Хаожань, окрасив кровью зелёные горы и длинные реки. Тридцать дней потребовалось, чтобы смыть запах крови, пропитавший всё на сотни ли вокруг.

Рёв ветра и звон мечей смешались с криками ужаса. Все были в панике. Они никогда не думали, что старший брат-ученик однажды применит против них Массив Десяти тысяч явлений. И уж тем более не предполагали, что он, тяжело раненный и загнанный в угол, всё ещё сохранил силы для отчаянного удара!

Юноша стоял на краю утёса, сложив руки на рукояти вонзённого в землю меча. Ветер развевал его кроваво-красный халат, подчёркивая стройную фигуру, подобную острому клинку, устремлённому в небо. Под разметавшимися прядями волос его глаза были закрыты, и кровь стекала из уголков глаз по мертвенно-бледному, холодному лицу.

Мириады огней мечей отражались от него, создавая образ несравненно холодного божества смерти.

Под натиском убийственной формации, разрывающей небо и землю, все живые существа казались муравьями. Роли охотников и добычи мгновенно поменялись. Эти гении, охваченные ужасом, потеряли всякое мужество для сопротивления. Они одновременно активировали все свои врождённые способности и спасительные артефакты, отчаянно пытаясь вырваться из этой смертельной ловушки.

С небес обрушился поток энергии меча, могучий и величественный, словно ледяной водопад.

Некогда непобедимый Массив Десяти тысяч явлений, в зените своей мощи, теперь управлялся человеком на исходе сил. Под этим сокрушительным ударом формация продержалась всего три

вдоха.

Массив распался, и бесчисленные огни мечей разлетелись в стороны, словно небеса обрушили на скалы ливень.

Из всех семи отверстий на голове Шэнь Моцина хлынула кровь. Он медленно поднял голову. В его глазах, подобных холодному железу, омытому ночным дождём, не было страха — лишь насмешка.

— Жаль.

Его усмешка утонула в ледяном сиянии обрушившегося меча.

Второй удар разрушил его духовные каналы и сокрушил его духовные корни пути меча.

Третий удар рассёк его пополам и отрубил все конечности.

Утёс рухнул, горы содрогнулись и обвалились. Он больше не мог удержать свой меч. Клинок Чэньцзе, бывший с ним долгие годы, выскользнул из рук, и его изуродованное тело рухнуло в глубокую пропасть.

Последний удар меча на глазах у всех пронзил его грудь, уничтожив сердце и истребив божественную душу. Жизнь угасла окончательно.

Останки первого гения молодого поколения Девяти тысяч провинций обратились в кровавый дождь, который, не успев достигнуть бездонной пропасти, был развеян яростным ветром.

Душа и дух уничтожены, пути к перерождению нет.

Облака, окутывавшие утёс, рассеялись, открывая взору безграничную пропасть внизу. Бесчисленные алые письмена запретных техник витали в воздухе, заливая ущелье кровавым, тусклым светом.

Фигура с мечом за спиной возникла в воздухе, остановившись над пропастью.

— Учитель!

— Глава секты!

Невидимое давление накрыло всех, и они склонили головы, не смея поднять взгляд.

Бессмертный владыка в белом одеянии, с волосами, подобными снегам небесных гор, смотрел вниз, в пропасть. Его окружала ледяная аура меча, и он произнёс два равнодушных слова:

— Какая жалость.

Гунсунь Буши почтительно склонился, костяшки его пальцев под одеждой слегка сжались.

«Какая жалость...»

С духовными корнями и талантом старшего брата, стань он его сосудом, он непременно помог бы ему взойти на вершину.

«Какая жалость...»

Он знал о его чувствах, знал, что тот последние несколько месяцев, рискуя быть обнаруженным сектой, посылал ему письма, но так и не получил ответа.

Если бы он только согласился обернуться, разве дошло бы до такого?

Летающие журавли разнесли весть, и вскоре весь мир заклинателей узнал:

Несколько месяцев назад Шэнь Моцин, преступник, вступивший в сговор с демонами, предавший своих и вырезавший пятьсот адептов секты Хаожань, был казнён своим учителем — главой секты Тяньшу Юй Баем в северных землях государства Чжоу. От него не осталось и следа.

Падение первого гения Девяти тысяч провинций не вызвало особого сожаления, а в секте Тяньшу всё шло своим чередом.

Ведь у них был другой гений, талант которого, по слухам, ничуть не уступал предшественнику, — младший брат-ученик, последний ученик Юй Бая, которому завидовал даже сам Шэнь Моцин.

Будущее секты по-прежнему сияло ярким светом.

Лишь изредка кто-то задавался вопросом, мог ли погибший возродиться, но такие разговоры быстро пресекались насмешками.

Этот человек действительно был первым среди молодого поколения мира заклинателей. Он первым достиг великого совершенства на стадии Преобразования Духа до ста лет, а в битве у Демонической Бездны прорвался на начальный этап Очищения Пустоты. После самого юного

мастера Преобразования Духа он стал и самым юным мастером Очищения Пустоты. Его талант был поразителен до неприличия.

Но его учитель, Юй Бай, был истинным главой мечников-заклинателей, на пике стадии Великого Вознесения.

Меч Юй Бая носил имя Яма. Когда Яма выносит приговор, живых не остаётся. Одного удара было бы достаточно, чтобы уничтожить душу и прервать цикл перерождения, а Шэнь Моцин принял от своего учителя целых четыре удара — вот как глубока была их связь.

Более того, он упал в пропасть в северных землях, где пять тысяч лет назад пал Император-демон. Зловещая аура там не рассеивалась тысячелетиями, и даже великие мастера на стадии Слияния с Дао не осмеливались туда входить, опасаясь не вернуться.

Без сомнения, преступник был мёртв.

***

Семь дней спустя, на дне пропасти, Шэнь Моцин очнулся.

Он лежал на бесплодной траве. Отрубленные конечности были соединены с телом красными ветвями, которые медленно сращивали их воедино, заполняя недостающие части новыми побегами. На его мертвенно-бледной коже проступили алые узоры, подобные прожилкам увядающего красного лотоса.

Изорванный алый халат, пропитанный кровью невесты сколько раз, почернел от неё, и уже невозможно было различить его изначальный лазурный цвет с узором из журавлей.

Всё его тело разрывала мучительная боль, с которой не сравнилась бы и пытка тупым ножом, но юноша не проронил ни слезы. Его тусклые глаза смотрели в кроваво-красное небо, и через мгновение он медленно и беззвучно улыбнулся.

Воскрешение из мёртвых — не результат невероятной удачи или милости Небесного Дао, а заранее подготовленный им план.

Приказ возвращения весны иссохшему дереву.

Утерянный на десятки тысяч лет артефакт, по слухам, созданный первым бессмертным, взошедшим на небеса. Он обладал силой обращать смерть вспять и изменять судьбу.

Три года назад он создал его копию.

Перед тем, как вырезать секту Хаожань и пронзить мечом сердце своего младшего брата-ученика, он впечатал этот приказ в собственное тело.

Не дойдя до грани смерти, не увидишь весны.

Над северными землями пошёл холодный дождь. В месте, где тысячелетиями скапливалась зловещая аура, каждая капля превращалась в острое лезвие, царапающее кожу и оставляющее длинные кровавые полосы.

Не в силах пошевелиться, Шэнь Моцин спокойно закрыл глаза, позволяя тысячам дождевых капель, словно падающим кинжалам, рассекать его тело, сдирая слой за слоем плоть, пока не обнажились белые кости, оплетённые алыми ветвями.

Свежая кровь вновь окрасила кости и чёрные волосы, растекаясь в дождевой воде, словно размытый свиток туши.

Во всём огромном мире он был один, слушая лишь ветер и дождь.

Он прошептал:

— Мама, я хочу пирожное с османтусом...

Дерево османтуса перед его домом сгорело в огне.

Тысячи семей целого города были уничтожены за одну ночь.

Перед глазами словно вскипела кровь, нос наполнил её едкий запах. Шэнь Моцина вырвало алыми сгустками, смешанными с кусками плоти, казалось, он извергнет все свои внутренности.

Лишь когда вся кровь покинула его тело, новые алые ветви проросли на бледной коже груди, обвивая рельефный живот и поднимаясь выше, словно красный лотос, расцветающий из плоти и крови. Они остановились в нескольких цунях от сердца.

Конечности восстановились. Раненый сглотнул кровь, подступившую к горлу, и, преодолевая головокружение и невыносимую боль, перевернулся и сел, скрестив ноги, чтобы начать дышать и вбирать ци.

Его духовное море, некогда наполненное энергией, превратилось в мёртвую пустошь. Отчётливо видимые духовные корни пути меча были уничтожены.

Люди, обладающие талантом к совершенствованию, рождаются с духовными корнями. Их качество определяет направление развития: до трёх корней — низший талант, четыре-пять — средний, шесть-семь — высший, восемь-девять — превосходный. А те, кто рождается с десятью корнями, — гении великого совершенства, встречающиеся раз в тысячу лет, которым суждено достичь вершин своего пути.

Когда-то родился человек с двенадцатью духовными корнями пути меча, гений, появляющийся раз в десятки тысяч лет. Его звали Шэнь Моцин.

Потеряв совершенствование, можно начать заново, но четыре удара меча Юй Бая, нанесённые в полную силу, полностью уничтожили его духовные корни. А уничтоженные корни восстановить невозможно. Первый мечник-заклинатель в мире больше никогда не сможет встать на прежний путь.

Сознание юноши было подобно зеркальной глади, ничто не могло его потревожить.

В мире тысячи путей, и не обязательно идти лишь по одному.

Он с самого начала заметил, что здешняя зловещая аура содержит огромную духовную силу. Для заклинателей эта аура губительна: она повреждает духовные корни, словно смертельный яд, разъедает духовное море, и в итоге они теряют всё своё совершенствование и погибают.

Но у него теперь не было ни корней, ни духовного моря. Умереть он не мог.

Приказ возвращения весны иссохшему дереву — цена за обращение смерти вспять — это отсутствие перерождения. После смерти его душа навечно попадёт в царство тьмы и будет гореть в адском пламени тысячи лет. Когда эти красные ветви пронзят его сердце, он умрёт.

Но до тех пор, пока весна не уйдёт, он бессмертен.

Шэнь Моцин сидел, скрестив ноги, на грязной земле и, используя этот вселенский ливень, ломал свои кости и рвал сухожилия, чтобы пересоздать свою духовную основу.

Дождь собрался в лужи, и в их бесчисленных зеркалах отражался силуэт в чёрных волосах и алых одеждах под тусклым небом. Среди ряби на воде открылись алые глаза.

В тот же миг мириады прозрачных капель застыли в воздухе и окрасились в багровый цвет, словно мир погрузился в кровавое царство тьмы.

Пара безразличных алых глаз пронзила завесу из тысяч дождевых капель, окинула взором мир людей и остановилась на лице юноши.

Замерла на мгновение.

На два.

На три.

Ливень резко прекратился. Подул лёгкий ветерок, разгоняя тёмные тучи.

Цан Шунь очнулся от долгого сна, и первым, что он увидел в мире людей, был этот человек.

Несравненно красивый, со станом, подобным мечу.

Израненный, с уничтоженными духовными корнями.

«...Как он мог получить такие тяжёлые раны? Его кто-то обидел?»

Холодные алые глаза слегка сузились.

«Я...»

— Миу.

Раздался тихий, мягкий писк детёныша.

Цан Шунь: «?»

«Я...»

— Ми.

«???»

Бывший Император-демон недоверчиво опустил голову и посмотрел на себя.

Белый.

Маленький.

Зверёк размером всего в две-три ладони, похожий одновременно на кошку и леопарда, с округлыми ушками, ярко-красными глазами и длинным тонким хвостом. Его белоснежная шерсть стояла дыбом, превращая его в пушистый комочек.

Белый зверёк с недоверием оглядел себя, не веря своим глазам, и пушисто закрутился, пытаясь поймать свой хвост.

— Ми!

Голосок был совсем детский.

«...»

Бывший Император-демон решил больше не открывать рта.

Он сердито уселся на землю, и его шерсть вздыбилась ещё сильнее, превращая его в большой пушистый шар.

Он весь промок под дождём.

Это разозлило его ещё больше. Он вскочил и принялся яростно отряхиваться.

Заметался, сам не зная, что делает.

Шэнь Моцин слегка приподнял веки. Его спокойные, словно застывший омут, глаза холодно отразили маленького, крутящегося на месте зверька.

Почувствовав его взгляд, Цан Шунь повернул голову и, высокомерно вздёрнув подбородок, властно посмотрел на него. Со стороны это выглядело так, будто пушистый белый зверёк широко распахнул свои круглые глазки и задрал маленькую головку.

Юноша молчал. Он снова закрыл глаза.

Цан Шунь неторопливо подошёл к нему и принялся кружить вокруг, словно обнаружил прекрасную ледяную гору. Время от времени он подходил ближе и пытался потрогать её лапкой.

— Ми?

«Почему у тебя даже духовных корней нет? Кто тебя обидел?»

Заклинатель, казалось, не понял его. Его ресницы, подобные воронову крылу, спокойно лежали на щеках.

Кружащийся Император-демон заметил, что его белоснежная пушистая шерсть испачкалась в грязи, и, недолго думая, потёрся о подол алого халата.

Лёгкий, едва уловимый аромат коснулся его ноздрей.

Как приятно пахнет.

Его алые глаза замерли, отражая бледное, изысканно-красивое лицо Шэнь Моцина, мокрое от дождя, с прилипшими к нему прядями тёмных волос.

Цан Шунь молча подошёл ещё ближе и снова уловил этот тонкий аромат, исходящий от молодого человека, который не могли скрыть ни дождь, ни грязь.

«...Очень приятно пахнет».

Белый зверёк инстинктивно укусил палец юноши, оставив на нём маленький след от зубов.

Шэнь Моцин: «...»

Он собрался с силами, открыл свои спокойные, тёмные глаза и, не говоря ни слова, поднял этого коварного маленького зверька.

Обнаружив, что его так легко подняли, белый зверёк вздыбил шерсть и принялся размахивать лапками, извиваясь и громко мяукая.

Он был похож на взорвавшийся комок хлопка.

Шэнь Моцин укусил его в ответ.

Цан Шунь: «???»

— Ми!!!